

Reflection of Everyday Life of the Common Man on the Pages of the "Satyricon" Magazine. Part 2

A. M. Moysinovich¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-46-59

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the satirical weekly «Satyricon», published in 1908–1914 in St. Petersburg. It set the vector for the development of Russian satirical and humorous journalism for many years to come. Based on the analysis of the materials published in the magazine, the article attempts to look at the world of the layman through the prism of satire and humor, to understand his interests and pressing problems. The author comes to the conclusion that the magazine «Satyricon» reflects almost all aspects of everyday life of the layman: culture, social life, fashion, entertainment. Particular attention in the periodical was given to the political events in Russia at the beginning of the 20th century, the activities of the State Duma, and representatives of the political parties of the time. The vivid images of political leaders created by the satirists of the magazine could transform over time, change and be filled with new details, which were followed with great attention by the readers of the magazine.

Keywords: satirical press; magazine; writer; artist; everyman; image; humor

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Moysinovich, Anna M. | E-mail: a.moysinovich@uniyar.ac.ru
Cand. Sc. (History), Associate Professor

Отражение повседневной жизни обывателя на страницах журнала «Сатирикон». Часть 2

А. М. Мойсинович¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-1-46-59
УДК 94(47)+03:19.41.09

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена сатирическому еженедельнику «Сатирикон», выходящему в 1908–1914 гг. в Санкт-Петербурге. Автор приходит к выводу, что в журнале «Сатирикон» нашли свое отражение практически все стороны повседневной жизни обывателя: культура, общественная жизнь, мода, развлечения. Особое внимание в периодическом издании было уделено политическим событиям России начала XX в., деятельности Государственной Думы, представителям политических партий того времени. Образы политических лидеров, созданные сатириками журнала, могли трансформироваться с течением времени, меняться и наполняться новыми деталями, привлекая внимание читателей.

Ключевые слова: сатирическая печать; журнал; политика; Государственная Дума; обыватель; образ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мойсинович, Анна Михайловна | E-mail: a.moysinovich@uniyar.ac.ru
Кандидат исторических наук, доцент

Создание журнала «Сатирикон» стало событием в культурной истории России начала XX века. Редактор издания А. Т. Аверченко на годы вперед задал направление развития отечественной сатирико-юмористической журналистики. Материалы, публикуемые на страницах «Сатирикона», были разнообразны. В журнале нашли отражение культура, политика, общественная жизнь, все, о чем можно говорить в узком кругу, чтобы блеснуть эрудицией. Некоторые темы, например внутренняя политика России, заслуживают особого внимания.

Издание «Сатирикона» приходится на такое время, когда уже закончили существование первые две Государственные Думы (ни одна из них не отработала полный срок) и шла вторая сессия III Государственной Думы.

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Ей было предоставлено право собственной законодательной инициативы, и на протяжении своего существования она была главным полем политической борьбы. Благодаря новому избирательному закону от 3 июня 1907 г. депутаты преимущественно принадлежали к высшим слоям общества и придерживались правых взглядов. Представители «Союза 17 октября» составили большинство. Общество понимало, что строптивные первые Государственные Думы сменила «удобная» и послушная Дума, более управляемая и пригодная для реализации планов и задач, поставленных перед страной П. А. Столыпиным.

Оценка ситуации нашла воплощение в рассказе «Три весны» неизвестного автора журнала. Перед читателем предстает мизансцена с декорациями (весной и скворечником) и главными действующими персонажами – сторожем и скворцами. Суть сюжета проста: слишком голосистые – речистые – птицы, прилетавшие в скворечник каждую весну, беспокоили старого полуглохого сторожа. Две весны он выгонял из гнезда неугомонных птиц и мечтал о надежных, хорошего поведения скворцах, «со всеми регалиями и капиталом».

И вот, когда пришла третья весна, в скворечник прилетели птицы важные, рассудительные, законопослушные, работоспособные. Среди них только малая часть походила на прежних, да и то «тонула» в общей массе «черных как сажа, скворцов». Все образы легко расшифровывались современниками: сторож – царский режим, скворцы – депутаты, скворечник – символ Государственной Думы.

Автор отождествляет скворечник (искусственное гнездовье для птиц) с Думой – явлением новым для России, которое постоянно сравнивали с парламентами стран Европы. С точки зрения автора, при всей солидности скворечника-Думы основание его уже начало подгнивать, и, если бы не «заморские подпорки», он мог бы и совсем упасть [1, с. 8].

Рассказ перенасыщен аллегориями и намеками. Под «черными как сажа, скворцами» явно подразумевались представители черносотенных организаций, уточнялось, что новые скворцы-депутаты «обжились вполне и чувствуют себя хозяевами, но только в “скворечнике”». В Государственной Думе положение руководящего центра занимала партия октябристов, которая определяла председателя, обеспечивала относительно устойчивое думское большинство кабинету П. А. Столыпина, хотя многие понимали, что премьер видел во фракции октябристов не опору, а средство для достижения целей.

Ни Дума, ни ее состав не вызывали симпатий в русском обществе. На страницах «Сатирикона» мишенями для шуток стали представители от партий: «Союза 17 октября» – Н. А. Хомяков, А. И. Гучков, М. В. Родзянко; «Союза русского народа» – А. И. Дубровин, Н. Е. Марков II, В. М. Пуришкевич, Ф. Ф. Тимошкин; «Всероссийского национального союза» – М. О. Мен-

шиков, П. Н. Крупенский; Конституционно-демократической партии – П. Н. Милуков.

По мнению сатирика О. Л. Д'Ора, ни одна из первых двух Дум не выдвинула столь «славных» имен, как третья, засверкавших на политической арене как драгоценные камни. В коротких сатирических заметках, объединенных общим заглавием, он дает меткие характеристики октябристам, например председателю Государственной Думы (1907–1910 гг.) Н. А. Хомякову, который позиционировал себя как беспристрастного арбитра с независимой позицией. Насколько у него это получалось как представителя партии октябристов, периодически создававшей внутри Думы блоки то с крайне правыми силами, то с прогрессистами и кадетами, отражено в рассказе, где автор с иронией отметил, что политический деятель попросту никак не мог определиться и решить, правый он или левый. Не забыл О. Л. Д'Ор отметить «средние», но вызывающие восхищение у сторонников по партии достоинства Н. А. Хомякова как председателя: «не всегда гениально ведет заседания, но всегда одинаково плоско острит. Октябристы, однако, очень довольны и тем, и другим – восхищаются ведением заседаний и восторгаются остротами своего председателя» [2, с. 2].

Мнение о Н. А. Хомякове было неоднозначно. С одной стороны, от председателя в Думе зависит поддержание продуктивной обстановки во время заседаний. Уместно привести эпиграмму поэта К. М. Антипова:

*Он на думском троне прочен,
Как Зевес глядит кругом, -
Правым – ласка, левым – гром, -
Он как агнец непорочен,
Агнец в возрасте притом* [3, с. 5].

С другой стороны, судя по заметкам в «Сатириконе», Н. А. Хомяков не снискал лавры справедливого и безукоризненного председателя, получив репутацию человека колеблющегося и не всегда умелого арбитра.

В одном рассказе автор, не пожалев преклонные лета Н. А. Хомякова, сравнил его с норовистым сивым мерином, иногда готовым показать норы, «лягаясь на право и дергая головой влево», хотя подчеркивал одновременно его добродушие и то, что тот быстро «делается смирным...» [4, с. 7]. Идиома «сивый мерин» несла в себе и другое значение, в переносном смысле обозначая мужчину, заговаривающегося от старости и несущего всякий вздор.

В рассказе О. Л. Д'Ора фигурировал и лидер октябристов – А. И. Гучков, истинный московский купец, решивший, что «парламент – это лавка, в которой продают политические русские и иностранные товары». Соответственно, следовало в зависимости от ситуации «конкуренту-кадету» подставить подножку; министру-покупателю сделать «уступочки-с», запросить цену, а затем «торговаться до седьмого пота». В общем, «выпускать из лавки хорошего покупателя нельзя-с. За свою цену отдать, но не пускать к конкуренту» [2, с. 2–3].

В повествовании взаимодействие партии октябристов и Думы сведено к торгашеству: «ты мне – я тебе». Октябристы, получив возможность путем голосования то с правыми, то с левыми фракциями поддержать любой законопроект, активно этим пользовались для поддержки проектов П. А. Столыпина. Слаженность действий «Партии 17 октября», направленных на достижение цели, умение договариваться были отмечены А. Т. Аверченко:

*Правый, левый, кадет -
Все за нами во след
Дружной ратью пойдут понемногу.
И пройдет год-другой-
Все мы мерной стезей
К возрожденью проложим дорогу [5, с. 13].*

Любое изменение внутреннего курса Государственной Думы анализировалось авторами журнала. Колебания депутатов по принятию того или иного законопроекта были часты. А. И. Гучков, обладавший даром убеждения, умел оказывать влияние на позиции депутатов, менять их взгляды в нужном направлении. Умение убедить их в правильности принимаемого решения можно увидеть и в стихотворении поэта А. А. Коринфского (псевд. А. Рифмачев), который на примере славного военного прошлого А. И. Гучкова проводил интересную аналогию с двуствольным ружьем, где у каждого ствола свое конкретное назначение:

*Ваше мнение? – Мое?
Со стены я снял двустволку
(Превосходное ружье!)
И прочистил. Что же толку?
Хитрость в чем же? А хитрость в том
(Говорю как старый воин),
Что с двуствольным-то ружьем
За себя уж я спокоен.
Как увижу, чья взяла,
Так – решительно и смело,
Из того ль, сего ль ствола,
И схвачу я без прицела.
Вправо надо – правый ствол,
Влево – левый: вся наука!
Сам своим умом дошел,
И любой из «этих» ну-ка! [6 с. 9]*

На страницах журнала А. И. Гучков, блестящий оратор и руководитель фракции октябристов, предстал не в самых лицеприятных ипостасях: лакей, астролог, парикмахер, дух, веющий над Таврическим дворцом. Авторы «Сатирикона» создали карикатурный образ лидера партии – услужливого,

с лакейским подбострастием сгибающегося перед вышестоящими чиновниками, готового выполнить любую их просьбу.

В рассказе «Тяжелый крест» Александр Иванович предстает как ходатай по чужим, мелким, не стоящим внимания делам, радующийся оказанному ему доверию со стороны чиновников. Постепенно он превращается в слугу, к которому не стесняются обращаться министры и депутаты Государственной Думы. Одни просят сделать заявление или получить справку, другие принести сигареты или газетку и т. д. В общем, «ужасно хлопотливая эта вещь – политика!» [7, с. 2–3].

В анекдоте, напечатанном в одном из номеров, приведен разговор кадета и А. И. Гучкова, в ходе которого первый отмечает блеск ботинок П. А. Столыпина и задает вопрос – чем они чищены? И получает ответ второго – ваксой «Жак» [8, с. 6]. Знание такой подробности подводит читателя к пониманию того, кто тот лакей, что чистит ботинки Премьера.

Созданный образ отражал сущность проводимой политики в Думе, а не личность политического деятеля с резким и жестким стилем поведения, с безапелляционностью суждений, который не останавливался перед уничижительной критикой своих оппонентов [9]. Нередко А. И. Гучков провоцировал дуэльные ситуации. Они нашли отражение на страницах журнала. 17 ноября 1909 г. он вызвал на дуэль графа А. А. Уварова. Результатом дуэли стал арест и четыре месяца заключения в Петропавловской крепости. Летом 1910 г. лидер октябристов занял тюремную камеру в крепости, но вскоре был помилован царем.

Интересна карикатура в четырех частях А. Радакова «Ужасы русской тюрьмы», где А. И. Гучков изображен в «тюремной» робе и кандалах при богато накрытом столе. В камере он неплохо проводит время, а после застолья идет в отхожее место, украшенное свечами, флаконами ароматических масел или духов с сидением, больше похожим на трон [10, с. 2]. Издевка над тяготами тюремной жизни состоятельного купца! Через пару страниц встречаем тонкую шутку на тему ареста, где А. И. Гучкова спрашивают, что он будет делать летом, и получают в ответ: «Буду занят. Мне предстоит маленькое заседание по тюремному вопросу» [10, с. 6].

Общество воспринимало «Партию 17 октября» скорее негативно; октябристы в сознании обывателей выглядели как беспринципные люди, готовые служить «и вашим и нашим», тем, кто предложит более выгодные условия; и при любом раскладе внутри Государственной Думы «везде и всегда» они «были бы довольны» [11, с. 11].

Характерно высказывание одного из депутатов Думы, запутавшегося в хитросплетениях политических дебатов и формировании блоков: «Никак не могу уяснить себе, кто я такой: по аграрному вопросу голосую с умеренными правыми, по рабочему – с эсдеками, по национальному с кадетами, по бюджетному с трудовиками, насчет морского бюджета голосовал с союзниками и, кроме того, все считают меня октябристом» [12, с. 11].

Наиболее крупной оппозиционной фракцией III Государственной Думы были кадеты во главе с П. Н. Милюковым. Участие в Думе не приносило им ощутимых дивидендов. Кадеты пытались предлагать свои законопроекты, но октябристы, парламентское большинство, не откликнулись ни на один из них. Внутри партии шли дискуссии о возможностях русского конституционализма. П. Н. Милюков в отличие от соратников поддерживал перспективность развития правового государства.

На страницах «Сатирикона» П. Н. Милюков – редкий гость; его практически нет в карикатурах, а если он там присутствует, то на заднем плане, неуверенный и стусежавшийся, что легко объяснимо: в этот период партия кадетов не играет в Думе значительной роли. Если в текстах встречается его фамилия, то рядом фигурирует слово «конституция». Дело в том, что в новой редакции «Основных государственных законов» от 23 апреля 1906 г. власть императора была ограничена, но была одна статья, согласно которой нормы российского законодательства не распространялись на самодержца.

Выходило, что на деле сущность государственного устройства Российской империи не изменилась. Конституция существовала только на бумаге. В русском обществе это понимали, и авторы журнала часто поднимали вопрос: а есть ли конституция? И, как правило, отвечали: «нет». Один лишь лидер партии кадетов на страницах издания упорно пытался доказать, что в России есть конституция. В одном из побасенок в доказательство ее существования он спрашивал городского: «А что, братец, есть у нас конституция?» И получал в ответ окрик: «Я тебе покажу!». На что довольный П. Н. Милюков говорил: «Раз покажет, значит, есть» [13, с. 2].

В другом рассказе Павел Николаевич, найдя в учебнике по русской истории, предназначенном для военных училищ и юнкеров, указание о введении в России в 1905 г. конституции, на предвыборном собрании представил «неопровержимые доказательства» ее существования и получил от пристава три предупреждения. Затем он решил освободить на основании конституционных норм заключенных, находящихся в тюрьме более трех дней без обвинения со стороны судебных властей. В результате он сам оказывается в одиночной камере и все равно остается при своем мнении: «А все-таки она есть. Кто – она? Конституция! Где же она? Вот-с. В этой книжечке. Сам читал. Сидя в одиночной камере, Милюков часто доставал из-под подушки книгу, хитро ухмылялся и погружался в чтение. Как же <...> Нет! – говорят. Как нет? Почему нет? Есть. Вот она – на 245-й странице <...> Черным-с по белому-с... Меня не надуешь» [14, с. 3].

Журнал «Сатирикон» создал образ «непримиримого» кадета, слишком образованного и интеллигентного для III Государственной Думы, «гораздо-го» «только лясы точить» [11, с. 8]. Для обывателя кадет-интеллигент представлялся как человек доверчивый и простодушный, не умевший за себя постоять, слишком сложно и непонятно говоривший, становившийся легкой

добычей для грубых и хамоватых людей и, главное, неспособный к решительным действиям. После начала третьей сессии Думы поэт С. Черный написал о них:

*...Избранников кадет до крупных слез мне жалко...
Позвольте мне над ними порыдать!
Они, как девушки среди бродяг вертепа,
Краснея и стыдясь, потупят глазки вниз...
О, лучше б дома пить им чай с лимоном,
Мечтать о Лондоне, читать родную «Речь»,
Чем, оглушаясь хомяковским звоном,
Следить за ритмом министерских плеч!
Что им сказать, когда такая пушка
Как Родичев, и тот умолк давно?... [15, с. 2]*

Нередко карикатуристы журнала изображали кадета в образе ученого мужа (иногда, чтобы подчеркнуть его образованность, среди кип книг и рукописей). Так, в карикатуре Ре-Ми кадет-невеличка прикован к рослому заключенному-рецидивисту. Один должен сесть в тюрьму за убийство семьи, ограбление старухи и насилие над малолетней, другой – за подписание Выборгского воззвания. Разница в росте двух героев рисунка призвана подчеркнуть слишком большой опыт в делах уголовных заматерелого преступника и отсутствие оно у кадета. Он слишком интеллигентен для тюремной среды, начиная от обращения на «Вы» и «коллега» к преступнику и заканчивая форменной одеждой преподавателя [16, с. 1].

По мнению авторов журнала, кадет всегда поступает с правовой точки зрения правильно, осторожно и с оглядкой на законодательные нормы. Если сравнить политику с купанием в реке, как это сделал М. Васильев, кадет входит в воду осторожно, попробовав ее пальцем ноги, плавая, производит невыносимый шум. Всегда «держится около берега, боясь отплыть далеко. Из воды выходит почти сухой» [17, с. 10].

Попытка кадетов в начале работы Государственной Думы найти точки соприкосновения с октябристами, образовать с ними союз не увенчалась успехом. У А. Т. Аверченко есть сатирический рассказ «Партийное соглашение» [18, с. 2–3], где партия большинства – «октябристы» – образуют блок с националистами, идеологически они были им ближе, чем кадеты. К ним присоединяются лидеры польского коло и мусульман. Периодически А. И. Гучков шепчется в углу с поляками и мусульманами, что-то им обещает. Кадеты в блок не входят, их игнорируют. В этом суть работы Думы, где судьба голосования зависима от октябристов и договоренностей с представителями других партий. Кадеты свою силу потеряли и больше не являются партией центра. Умеренные речи в Думе и разговоры внутри конституционно-демократической партии о том, что нужно сосредоточиться на законодательной деятельности, свидетельствовали об отклонении от основной партийной линии и были признаком ее деморализации.

17 ноября 1907 г. на заседании Думы произошел инцидент с участием лучшего оратора кадетской оппозиции Ф. И. Родичева и П. А. Столыпина. Был поднят вопрос о военно-полевых судах, и выступление кадета было встречено думским большинством крайне негативно. Выступая, в порыве эмоций оратор сравнил виселицу со «стольпинским галстуком» – выражение, которое с этого времени станет крылатым и будет встречаться на страницах периодической печати, в том числе и сатирической. Речь вызвала скандал, Ф. И. Родичев был вынужден принести извинения Премьеру, на сторону которого встала подавляющая часть Думы. Стихотворения В. Князева отразило отношение общества к кадетам в то время:

*Их устои – шатки,
Их победы – редки,
Но их речи сладки,
Их сравненья – метки!
Вечные нападки
Заслужили-ль детки?
Бедные ребятки!
Паиньки-ка-детки! [19, с. 3]*

На страницах «Сатирикона» колоритно в остросатирической форме была показана партия «Союз русского народа», лидерами которой были А. И. Дубровин и В. М. Пуришкевич – частые гости журнала. Партия объединяла вокруг себя широкие слои населения, преданные монархии, создавала боевые дружины «черных сотен» для защиты традиционных устоев и преследования евреев. В. М. Пуришкевич прославился своим хамским поведением во время выступлений депутатов. Он прерывал речи политических оппонентов иногда при помощи полицейского свистка, мог сквернословить и обзывать тех, кто ему не нравился. Его выступления были запоминающимися и в большинстве – скандальными.

Когда из-за выходок председатель удалял его из зала заседания, он выходил только под конвоем Таврического дворца в присущей ему показной ребяческой манере: В. М. Пуришкевич садился на плечи охранников и, скрестив руки на груди, с триумфом покидал зал [20, с. 109]. На одной из карикатур его практически выносят из здания Думы два охранника, зацепив его руки длинными кузнечными клещами. Мимо проходят люди. Один другого спрашивает: «Что это такое?» – и получает ответ: «Очередная дезинфекция. Пуришкевича на пять заседаний выносят» [21, с. 6].

В пародии К. Д. Бальмонта довольно точно отражены особенности характера В. М. Пуришкевича и его поведения в Думе:

*Хочу быть грубым, хочу быть дерзким!
Личину чести с себя сорвать;
Звать хулиганов к погромам зверским
И черной сотне венки свивать.
Хочу быть диким, нахально-смелым*

*Сорвать заветы святой любви;
Хочу упиться жидовским телом
И захлебнуться в крови, в крови!
Пускай насилья жестокий молот
Бьет изможденных людей сердца,
Пускай в России властитель – голод
Людские души рвет без конца.
И в Думе нашей я речью вольной
Всех обругаю, перекричу.
Пусть воцарится мрак произвольный
Страданья видит – я так хочу! [22, с. 14]*

Амплуа клоуна стало визитной карточкой В. М. Пуришкевича. На одной из карикатур Ре-Ми он был изображен щуплым, с лысой головой человеком, отгоняющим от здания Таврического дворца, где проходили заседания Думы, смерть с косой. Так на страницах «Сатирикона» изображали холеру, которая в то время (август 1908 г.) вспыхнула в С.-Петербурге. Замахнувшись на нее зонтиком, он кричит вслед убегающей холере: «А теперь, можешь проваливать, - мы больше позабудем публику!» [23, с. 1]. Художник как бы заранее готовил читателя к последующим выходкам ярого монархиста в Государственной Думе.

Ре-ми создал образ худого, невзрачного и лысого депутата, тиражируя его впоследствии на страницах журнала, а авторы-сатирики придали персонажу больше эксцентрики и гротескности. Эпитеты, которыми периодически награждали сатириконицы депутата В. М. Пуришкевича, передают лишь отчасти впечатления, которые выносили с заседаний Государственной Думы современники. Вот некоторые из них: «рыжий, стрекоза, шмель, блоха; стрекочет, жужжит и скачет...» [24, с. 7]. В журнале периодически упоминаются его эскапады в сторону запретов пьесы «Саломея» Оскара Уайльда в театре Комиссаржевской, документального фильма в одном из столичных кинотеатров. Он имел влияние в определенных кругах, обладал силой убеждения и умением добиться своего. Пьеса и фильм были сняты с репертуаров театра и синемаатографа.

В одном из рассказов А. Т. Аверченко его литературный герой выступал в роли заискивающего просителя, умоляя В. М. Пуришкевича посодействовать разрешению представления в театре пьесы, которую цензурный комитет не пропустил. По ходу повествования количество просьб увеличивалось вместе с титулами в порядке возрастания: «ваше сиятельство», «ваше превосходительство», «ваше высокопревосходительство», «ваше преподобие», «ваше преосвященство». Суть повествования сводится к тому, что раз политический деятель с не самой лучшей репутацией смог запретить пьесу в театре, то он может и разрешить ее к показу, а заодно сделать и многое «другое» – помиловать, развести с женой. Кульминацией рассказа стало то, что после мощной атаки просителя, начавшего с целования руки и пере-

шедшего к лобызанию ботинок политика, сам В. М. Пуришкевич впадает в транс и начинает верить в свое всемогущество: «Все придут ко мне! В ногах еще будут ползать! Обождите! След моих башмаков целовать вам придется! Преподобие! Сиятельство! Превосходительство! Раньше Володькой звали, по щекам архитекторы били, клоуном, обезьяной дразнили, из Думы выбрасывали. А-а! Покажет Вам Володька и Думу, и театр, и все!» [25, с. 2–3].

Партия «Союз русского народа» предстает на страницах «Сатирикона» черной необразованной массой, принимающей участие в убийстве депутатов Государственной Думы, членов конституционно-демократической партии – М. Я. Герценштейна и Г. Б. Иоллоса, пьяных дебошах и погромах. Один из рисунков Ре-Ми раскрывает сущность союзников. Художник, в который раз создал запоминающийся образ, в котором ощущается чуть ли не вселенская злоба и вседозволенность.

Перед зрителем предстает человек-горилла в черном, с серым лицом и тупым взглядом. Он сидит, развалившись на диване. В комнате полная разруха, порваны картины и книги, разбиты статуи, ободраны диван и стены, чуть ли не «с мясом» выдрана оконная рама. Запоминающаяся деталь, сразу бросающаяся в глаза, – торчащий нож из дивана. В хозяине положения чувствуется примитивность и отсутствие какого-либо интеллекта [26, с. 1]. Кроме того, по мнению сатириконцев, представители «Союза» не умели вести себя на людях культурно. В одном из рассказов Фомы Опискина (псевд. А. Т. Аверченко) фигурируют депутаты от правых: В. М. Пуришкевич, Н. Е. Марков II, М. А. Сушков и др. Их пригласили на обед к премьер-министру П. А. Столыпину. Перед этим лидер фракции наставляет свою паству: «в кулак не сморкаться, рыбу ножом не есть, и ежели икнуть, то сейчас же перекрестить рот» [27, с. 2].

И вот, депутаты сидят за столом в смущении, не зная, как правильно вести себя. Один на вилку вместо сардины насадил пробку и попытался ее проглотить, другой никак не мог поймать двумя пальцами скользкий гриб. В беседе за столом, что они ни скажут, все не попадет, коверкая французский. Иногда в общий разговор прорывается неуместная фраза: «Да у нас, в чайной...».

Обед подходит к концу. Больше всех недоволен Н. Е. Марков: «Черти! <...> Разве можно вас в хороший дом пустить? Сейчас же ноги на стол». И вновь слышит знакомую фразу от рыжего и мрачного депутата: «Да у нас в чайной <...> – Что там у вас в чайной?! Вспылил Марков. – Надоел ты мне с чайной! <...> Рыжий потряс еще раз кулаком и уверенно сказал: Да у нас в чайной <...> Если что не так <...> В ухо – и баста!!! А ты с ними церемонился!» [27, с. 3].

В журнале много говорится об убийстве М. Я. Герценштейна, к которому, как было доказано в 1909 г., был причастен лидер монархистов А. И. Дубровин. Убийство произошло летом 1906 г. в финском городке Териоки. В саркастической форме, будь то рассказ, анекдот или карикатура, так или иначе

поднимается вопрос о причастности А. И. Дубровина к преступлению. В карикатуре Ре-Ми он изображен в своем кабинете в докторском белом халате, вытирающим им свои окровавленные руки. Рядом стоит, судя по всему, его служащий, который просит сделать больному операцию. На что А. И. Дубровин с насмешкой отвечает: «Увы, мой друг <...> После неудачной операции с Герценштейном – я дал себе слово больше никакими операциями не рисковать» [28, с. 1].

В 1909 г. состоялся повторный судебный процесс, проходивший в Финляндии, в ходе которого А. И. Дубровина привлекли в качестве ответчика, но он предпочел скрыться в Ялте под защиту генерал-майора А. И. Думбадзе, покровителя «Союза русского народа». Вслед за этими событиями в «Сатириконе» появляется небольшой рассказ, в котором действие происходит во сне А. И. Дубровина, где с ним говорит один из его основных жертв – изможденный еврей. В ходе своего монолога еврей задает ему вопрос: «К чему вам это надо было <...>? К чему вам нужно было такое, можно сказать партикулярное убийство господина Герценштейна, когда вы столько погромов делали?». В этом повествовании в иносказательной форме речь шла о судебном правосудии над убийцами и теми, кто их направлял, но не в России, где пытались замять дело, а в Финляндии. И здесь необходимо привести часть речи жертвы, которая лучше всего отражает несправие русского закона и торжество финского: «...Не хотел бы я быть на месте господина министра юстиции, г. Щегловитого, или на месте какого-нибудь русского прокурора. Подумайте, господин доктор, им как теперь обидно, что не им приходится карать за преступление, а какому-то финляндскому прокурору! А?! Словно в России нет нелицеприятных судей, нет справедливого суда, нет достаточного статей в уголовном законе?» [29, с. 7].

Проблема состояла в том, что многие преступления «Союза русского народа» оставались безнаказанными и совершались с ведома властей. На страницах периодической печати того времени развернулась целая дискуссия по поводу судебного дела об убийстве М. Я. Герценштейна.

Особо возмущалось черносотенное «Русское знамя», недовольное, что процесс проходит на территории Финляндии. Вследствие шумихи русское правительство сделало официальное сообщение, в котором было указано, что преступления, совершенные на территории Великого княжества Финляндского, должны рассматриваться его судом [30, с. 133]. Позднее правительство пожалело о своем решении и пришло к выводу о необходимости отмены этого положения закона. В результате скандала позиции А. И. Дубровина пошатнулись не только в правительстве, но и среди однопартийцев, что нашло отражение в журнале «Сатирикон».

III Государственная Дума, имевшая устойчивое большинство и готовая сотрудничать с правительством, выдвигала неординарных политиков. К сожалению, для многих представителей русского общества их поведение и политическая тактика внутри Думы вызывала больше неприятие, чем ува-

жение. Тех, кто пытался найти точки соприкосновения с правительством и встать на путь реформирования России, как того хотел П. А. Столыпин, считали отступившими от важных принципов, достигнутых в ходе первой русской революции 1905–1907 гг. Других, полагавших, что только с помощью скандала и провокации можно добиться своих целей, заставить русское общество прислушиваться к своему мнению, считали недостойными звания депутата из-за недопустимого поведения, порочащего парламент.

Авторитет Государственной Думы был поколеблен, либералы были разочарованы. Небольшая зарисовка одного из художников «Сатирикона» символично отразила постепенную потерю значимости Думы как важного института для общества, где правят амбиции, стремление привлечь к себе внимание любым способом, нежелание считаться с чувствами и интересами других. В ней мы видим двух правых депутатов – кариатид: Л. В. Половцева и В. М. Пуришкевича, несущих на своих плечах Таврический дворец, и надпись: «Две кариатиды, поддерживающие думский “престиж”» [31, с. 2]. Оба не отличались чистоплотностью в выступлениях с трибуны. Стихотворение С. Черного отразило утрату веры в продуктивность работы очередной сессии III Государственной Думы:

*... Что будет? Опять соберутся Гучковы
И мелочи будут, скучая, жевать,
И мелочи будут сплетаться в оковы,
И их никому не порвать.
О дом сумасшедших, огромный и грязный!
К оконным глазницам припал человек:
Он видит бесформенный мрак безобразный –
И в страхе, что это навек... [32, с. 2]*

Авторы «Сатирикона» отразили перипетии политической жизни России, показали деятельность Государственной Думы, дали нестандартные характеристики многим партийным лидерам. Образы политических деятелей и партий в целом, созданные сатириками в начале издания журнала, постепенно обросли характерными подробностями, становясь более выраженными, гротескными. Любое изменение во внутренней политике моментально фиксировалось на страницах журнала в карикатурах, небольших зарисовках, юмористических рассказах и анекдотах, где злободневная сатира перемежалась с безобидной юмористикой. «Сатирикон» отразил мнение русского обывателя на события того времени и передал колорит эпохи.

Ссылки

1. Третья весна // Сатирикон. 1908. № 11.
2. Д'Ор О. Л. Знаменитые // Сатирикон. 1908. 28 июня, № 12.
3. Красный. Эпиграмма на Хомякова // Сатирикон. 1909. 31 янв., № 5.
4. Гуревич И. Переполох в Думе // Сатирикон. 1909. 19 марта, № 12.

5. Аверченко А. Октябрист // Сатирикон. 1908. 1 ноябр., № 30. С. 13.
6. Рифмачев А. Мнение А. И. Гучкова // Сатирикон. 1908. 22 ноябр., № 33.
7. Опискин Ф. Тяжелый крест // 1909. 14 ноябр., № 46.
8. [В.] Новое о Гучкове // Сатирикон. 1910. 26 июня, № 26.
9. Гучков А. Московская сага: летопись четырех поколений знаменитой купеческой семьи Гучковых, 1780–1936. СПб.; М.: Лимбус пресс, 2005. 688 с.
10. Сатирикон. 1910. 26 июня, № 26.
11. Миг. Молитва октябристов // Сатирикон. 1908. № 3.
12. Запутался // Сатирикон. 1908. № 8.
13. Милюков и Конституция // Сатирикон. 1909. 14 ноябр., № 46.
14. Опискин Ф. Книжник // Сатирикон. 1909. 26 сент., № 39.
15. Черный С. Перед началом думских игр (беспартийная элегия) // Сатирикон. 1909. 17 окт., № 42.
16. Обложка // Сатирикон. 1908. № 7.
17. Васильев М. Русская купальня (кто как купается) // Сатирикон. 1911. 1 июля, № 27.
18. Аверченко А. Партийное соглашение // Сатирикон. 1908. 6 дек., № 35.
19. Кн[язев] В. О Ка-детках (детская песенка) // Сатирикон. 1908. № 3.
20. Иванов А. А. Пламенный реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич. СПб.: Владимир Даль, 2020. 621 с.
21. Яковлев А. У врат Государственной думы // Сатирикон. 1910. 23 янв., № 4.
22. Бальмонт К. Пуришкевич // Сатирикон. 1908. № 9.
23. Ре-Ми. Съезжаются // Сатирикон. 1908. 4 окт., № 26.
24. Гуревич И. Переполюх в Думе (по Гоголю) // Сатирикон. 1909. 19 марта, № 12.
25. Аверченко А. Большой человек // Сатирикон. 1908. 8 ноябр., № 31.
26. Ре-Ми. Хозяин положения // 1908. 15 ноябр., № 32.
27. Опискин Ф. Парадный обед // Сатирикон. 1909. 15 февр., № 7.
28. Ре-Ми. Неудачная операция хирурга Дубровина // Сатирикон. 1909. 25 апр., № 17.
29. Гуревич И. Сон Дубровина // Сатирикон. 1909. 23 мая, № 21.
30. Витухновская – Каушпала М. А. Финский суд vs черная сотня: расследование убийства Михаила Герценштейна и суд над его убийцами (1906–1909). СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 220 с.
31. Н. Р. Две кариатиды, поддерживающие думский престиж // Сатирикон. 1909. 1 марта, № 9.
32. Черный С. // Сатирикон. 1908. 6 сент., № 22.